

stylistic nuances, are close to colloquial-everyday popular speech of 1920–1930th of the XX-th century and, being entered into the art and publicistic text, serve as generation means of “language balancing act” – word-plays, irony, paronymic attraction and many others. In compared neolexicons the layer of identical new

growths that testifies to processes of creative interference is revealed.

Key words: word creation, usual and occasional ways of a derivation, neolexicon, individually-author’s neologism, art text, Silver age, comparative analysis of neologisms, dictionaries of language of writers.

УДК 811.161.1’81’342.9

Осетров И.Г.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ СИНТАГМЫ*

Аннотация. В статье делается попытка установить основания классификации синтагм в русской речи.

Ключевые слова: единица речи, синтагма, принципы классификации.

Линейная протяжённость синтагмы может колебаться, по свидетельству Н.В. Черемисиной, от одной до семи лексических единиц [Черемисина Н.В., 1989, с. 29]: *Да/, я не потеряюсь//* (И. Бродский); *На столиках/ шкатулки/ – бисерные/, и кожей обделанные/, и разрисованные/, и хрустальные//* (А. Ремизов); *Если б не насмерть//, ходил бы тогда/ Тоже/ – Героем//* (В. Высоцкий). Причины такого разброса разнообразны и требуют интерпретации.

Одна из первых разновидностей синтагматической методики встречается, по сути дела, в трудах Ф. де Соссюра, где сформулировано типовое синтагматическое отношение «определяемое – определяющее», которое позволяет выделить лишь детерминативные синтагмы, состоящие не менее чем из двух членов. Эту ограниченность круга выделяемых типов синтагм, следующую из положений Ф. де Соссюра, комментирует С.И. Карцевский, обсуждая вопрос о том, что предикативные синтагмы не соответствуют комплексу единиц, способных выражать названное выше типовое отношение. Возможно, именно поэтому С.И. Карцевский осторожно подходит к соссюрианскому пониманию синтагмы, подчёркивая, что «отношение определяемого к определению, несомненно, является одним из самых распространённых, но, конечно, – продолжает он, – мы далеки от того, чтобы рассматривать его как единственно возможное синтагматическое отношение» [Карцевский С.И., 1928, с. 37].

Подробный анализ различных концепций и классификаций синтагмы, бытовавших в первой половине XX века, даётся в классической работе В.В. Виноградова «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» [Виноградов В.В., 1975, с. 3]. Важно не упустить подчёркиваемую В.В. Виноградовым расплывчатость объёма синтагмы, связанную не только с тем разнообразием точек зрения, который существовал на момент написания статьи, но и вариативностью синтагматического членения одного и того же высказывания, которая была им дана в том числе при анализе того, как делится на синтагмы чеховское предложение «Жизнь потекла как по маслу».

Учитывая огромное разнообразие факторов, влекущих варьирование границ синтагмы, первоначально должен быть положительно решён вопрос о допустимости классификации единиц синтаксиса речи. Мы считаем справедливой точку зрения, согласно которой содержание понятия «речь» включает не только указание на действие сиюминутного характера, но и подразумевает существование типов (моделей) высказываний [Прияткина А.Ф., 2004, с. 321].

Известны попытки описания синтагмы, учитывающие, в первую очередь, морфологическую природу входящих в состав синтагмы слов, что даёт в руки исследователя некоторый объективный (и собственно языковой), но всё же имеющий, как правило, внешний критерий по отношению к синтагме. Синтагма же – в меньшей мере формальный элемент синтаксиса (а именно эта сторона выходит на первый план при использовании морфологического фактора в качестве классифицирующего), нежели словосочетание и предложение. Она в значительно большей степени функционально-речевая единица (ср.: «Синтагма – понятие не столько фонетическое,

* © Осетров И.Г.

сколько синтаксическое и семантическое» [Виноградов В.В., 1975, с. 113]). Именно поэтому морфологический критерий – второстепенный, вспомогательный, способный играть классифицирующую роль лишь на последующих этапах классификации – при подразделении типов синтагм на виды и разновидности. На первый же план в таком случае выходит семантико-синтаксический критерий, что позволяет выделить основные типы элементарных – базовых синтагм.

Современные описания синтагмы в интонационно-фонетическом и интонационно-синтаксическом аспектах представлены в первую очередь работами Е.А. Брызгуновой [Брызгунова Е.А., 1977], Т.М. Николаевой [Николаева Т.М., 1977] и др.

Нефонетические принципы классификации представлены несколькими подходами.

Морфолого-синтаксическим можно назвать подход к классификации, реализуемый в работах Н.В. Черемисиной, где выделяются субъектная, предикативная, объектная, обстоятельственная, атрибутивная, субъектно-предикативная, предикативно-объектная, предикативно-обстоятельственная, релятивная, субъектно-предикативная, императивная, обособленная, однородная, вводная и приглагольная атрибутивная разновидности синтагм [Черемисина Н.В., 1989, с. 91–97].

В основе этой классификации лежат некоторые синтаксические – и при этом достаточно разнородные – свойства. Так, учтены некоторые морфологические характеристики ключевых слов синтагм (*приглагольные, императивные*). Ведущими классифицирующими признаками оказываются такие, которые, с одной стороны, подчёркивают осложнённость предложения (*однородность, вводность*), с другой – выделяется интонационное своеобразие синтагмы (*обособленность*). Наиболее полно представлен семантический критерий классификации, основанный на типе отношений между компонентами, входящими в состав синтагмы (*субъектная, предикативная, объектная* и пр.). Таким образом, классификация опирается на разнородные признаки – и в этом её основное противоречие. В то же время следует признать, что она имеет определенную разрешающую силу, которая, однако, оказывается недостаточной, если приходится сталкиваться с синтагмой большой протяженности. В этом случае необходимо говорить о сочетании синтагм, а это принуждает к созданию новой классификации – классификации возможных сочетаний элементарных синтагм. Впрочем, этим недостатком неизбежно страдает любая известная или

вновь созданная классификация синтагмы ввиду того, что помимо объективных факторов, влияющих на формирование синтагмы, столь же действенным инструментом, воздействующим на её форму, оказываются и факторы субъективного свойства.

Однако основная проблема анализируемой классификации в том, что в её основе лежит мысль о синтагме как единице исключительно выделяемой. Вместе с тем ряд свойств синтагмы приводят к мысли, что основные свойства синтагмы (линейность и смысл) заставляют признать синтагму единицей двуплановой, так как помимо правил членения высказывания на синтагмы она должна подчиняться строго определённым правилам конструирования (т. е. образованием как синтезируемым, так и аналитическим). На наш взгляд, такие единицы (отрезки) речи как синтагмы – это основа грамматики слушающего, т. е. грамматики «понимания». Ради этого речевое произведение не просто дробится говорящим на ритмико-семантические группы, далее – на высказывания и, наконец, разделяется на абзацы, но и задумывается – и потому синтезируется – строго определённым образом. Именно в связи с этим синтагма считается предельной единицей, связанной с обозначением целостного смысла. Вспомним слова Л.В. Щербы: «предельная, основная единица в процессе речи-мысли, выражающая единое смысловое целое и фонетически сплочённая усилением последнего словесного ударения» [Щерба Л.В., 1937, с. 185]. На наш взгляд, выделение синтагм паузами при усилении последнего словесного ударения – это своеобразный ключ к коду говорящего, своеобразные сигналы, способствующие распознаванию слушающим смысловых блоков – и при этом не только понятий, обозначенных лексемами, но и словесными группами различного объёма.

Оригинальная классификация, названная автором структурной, принадлежит В.И. Бухарину. Он считает, что «для установления структурных типов синтагм следует связать эту типологию с конкретным типом речевых высказываний» [Бухарин В.И., 1973, с. 187]. Для установления такого «конкретного типа речевых высказываний» автор определяет так называемую функциональную парадигму (ФП) данного предложения, затем в ее рамках устанавливает «констатирующее высказывание», под которым понимается простая неосложнённая конструкция. Перечень «типовых моделей синтагм» значительно расширяется за счет тех, которые встречаются в осложнённых конструкциях. Констатирующее вы-

сказывание же лишено специальных средств актуализации и в силу этого рассматривается как нейтральная динамическая структура. Выделив исходный член функциональной парадигмы, а затем разделив его на синтагмы, В.И. Бухарин определяет типологические характеристики синтагм. Столь многоступенчатый классификационный путь приводит к необходимости заявить следующие типовые модели: 1) «субъектная – С-синтагма; 2) предикатная – Пт-синтагма; 3) релятивная – Р-синтагма; 4) предикативная – П-синтагма» [там же, с. 193]. В рамках констатирующего высказывания проявляются не только эти основные модели, но и линейные варианты типовых моделей синтагм. «В прочих функциональных (коммуникативных) типах высказываний образуются *структурно-функциональные варианты* типовых синтагмных моделей, создаваемых как строевыми, так и акцентными средствами» [там же, с. 194].

Критика предложенной В.И. Бухариным классификации может исходить опять же из классического (щербианского) понимания синтагмы как фонетического единства, выражающего «единое смысловое целое в процессе речи-мысли» и способного «состоять из слова, из словосочетания и даже группы словосочетаний» [Щерба Л.В., 1937, с. 80]. Выделив констатирующее высказывание, автор уходит от высказывания к его инварианту – предложению, от речи к языку. Более того констатирующее высказывание оказывается при таком понимании куда более абстрактным образованием, нежели предложение как таковое. Именно поэтому, на наш взгляд, структура синтагмы не может быть выведена из некоего «констатирующего высказывания».

При построении типологии базовых синтагм, на наш взгляд, следует исходить из определения того, что является переменной составляющей среди свойств синтагмы и что собой представляет константа синтагмы. Мы считаем, что переменной стороной синтагмы, в первую очередь, следует считать её фонетическую природу. И дело не в том, что интонация весьма и весьма вариативна (труды современных фонологов как раз доказывают, что просодическая систематизация вполне возможна [Брызгунова Е.А., 1977; Йокояма О., 2003]). Проблема в том, что одно и то же высказывание может синтагматически члениться по-разному в зависимости от ряда причин; так, синтагматическое членение не может не быть обусловлено общим тоном повествования. По свидетельству В.В. Виноградова [Виноградов В.В., 1975, с. 503], Л.В.

Щерба комментировал это положение анализом первых строк «Капитанской дочки», подчеркивая, что различный тон повествования даёт и стилистически релевантные варианты синтагматического прочтения одного и то же предложения (выделены «тон объективного исторического повествования» и тон «ярко окрашенной эмоциональной, субъективно-личной интонации повествования» [там же]). Сам В.В. Виноградов уже в ранних работах детально исследует основные тональные контуры публицистического текста, считая их причинами «закономерного чередования ритмических элементов» [Виноградов В.В., 1980, с. 31]:

- «торжественно-обличающий» [там же, с. 9];
- «морально-назидательные комментарии», или торжественно-риторический слой стиля [с.11];
- «разговорно-речевая стихия с яркой эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонаций» [там же];
- «торжественный эмоциональный тембр» [с. 16];
- «энергически-деловой, сухой тон» [с. 23];
- эмоциональный тон пренебрежения» [там же];
- «сентиментальный тон» [с. 27];
- «интонация горя и изумления» [с. 31];
- «порывисто пересекающая сказ восклицательная интонация» [с. 32];
- «личный тон беседы» («интимная дружеская беседа») [с. 8] может сменяться пренебрежительно-ироническим тоном [с. 11, примечание 14], который в свою очередь может перейти в брань [с. 30] или в безыскусную стилизацию «вяканья» [с. 9];
- «эмоциональная вибрация» [с.33];
- «кадансовые молитвенно-восклицательные восклицательные формулы» [с.34].

Наши наблюдения подтверждают теоретическое положение В.В. Виноградова о влиянии интонации на вариативность синтагматического деления высказываниям. Так, у И.А. Бунина первая фраза «Антоновских яблок» скорее всего синтагматически должна делиться так: «...Вспоминается мне/ранняя погожая осень//». Вполне корректным следует признать и отсутствие синтагматических пауз, иначе говоря, односинтагменное прочтение бунинского предложения, т. е. «...Вспоминается мне ранняя погожая осень//». Однако этот – бесконтекстный – вариант, очевидно, противоречит идейной сути текста И.А. Бунина, поскольку обуславливает темповое, ускоренное (иначе объём

синтагмы не будет способен совпасть с границей дыхательной группы) и потому нервное, эмоционально напряжённое прочтение. Ещё один вариант синтагматического членения связан с отсутствием паузы после синтаксемы «мне» и её наличием после слова «ранняя». Это ведет к интерпретации ряда определений «ранняя погожая» как однородных и, следовательно, к разделению паузой (на письме – запятой). То есть приведенный отрывок должен бы быть синтагматически расчленён следующим образом: «...Вспоминается мне ранняя/, погожая осень//». Однако нет сомнений, что авторская пунктуация не даёт возможности подобным образом интерпретировать данный фрагмент «Антоновских яблоч», так как в этом случае высказывание приобретает тон известной эмоциональной приподнятости. Очевидно, что И.А. Бунин имел в виду иную интонационную фигуру. При прочтении подлинного текста писателя «протяжённая» синтаксическая группа «ранняя погожая осень» дополнительно вносит в воспоминание оттенок повествовательной размерности. В пронзительно-лирическом тексте Бунина в начальной фразе весьма важно поэтичность воспоминаний подчеркнуть элегической плавностью строения синтагм. Насколько для него это существенно – подтверждают наблюдения за той частью чеховского текста, где встречаем похожий лексический ряд: «Помню раннее, свежее, тихое утро», где определение «раннее» включено уже в состав ряда однородных определений. Обращает внимание, что высказывания *Вспоминается мне/ ранняя погожая осень//* и *Помню раннее/, свежее/, тихое утро//* функционально-тематически близки, однако коммуникативная составляющая во второй фразе несколько иная: автор взволнован картинами былого, речь его становится эмоционально окрашенной и потому синтагматически дробной.

Синтагматическое деление речи может быть связано с частными задачами и обстоятельствами коммуникации, например, с использованием приёмов языковой игры, желанием говорящего подчеркнуть важный смысловой или эмоциональный нюанс; наконец, с возрастными, интеллектуальными, временными и прочими экстралингвистическими и экстралингвистическими факторами и т. д. Это является ещё одним фактором, определяющим варьирование синтагмы.

Именно поэтому крайне важным оказывается требование, связанное с нахождением базисного, действительно объективного критерия классификации.

В связи с этой задачей крайне важно помнить, что хотя В.В. Виноградов не делает попыток классификации синтагм, но неоднократно подчёркивает её объективный характер [Виноградов В.В., 1975, с. 129, 147] и, следовательно, допускает возможность построения типологии синтагмы.

Поскольку синтагма – речевое образование, мы считаем, что классификация может опираться только на её семантическо-синтаксическую составляющую как на некий инвариант. Видами означаемого для лингвистических знаков считаются понятие, отношение и пропозиция. Поскольку слово является основным языковым средством обозначения понятия, словосочетание – типовым средством, означающим отношение, а предложение типовым и наиболее часто используемым знаком пропозиции, то классификация синтагмы возможна только через характеристику средств выражения в её пределах понятия, отношения и пропозиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М., 1977.
2. Бухарин В.И. К основаниям структурной типологии синтагм // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны: Лингвистический сборник. Вып. 2. – М., 1973.
3. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума» // В.В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980. – С. 3–41.
4. Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 88–154.
5. Виноградов В.В. Синтаксические взгляды и наблюдения Л.В. Щербы // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 488–516.
6. Ёкояма О. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // Вопросы языкознания. – 2003. – № 5. – С. 99–122.
7. Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка. – М.-Л., 1928.
8. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. – М., 1977.
9. Прияткина А.Ф. «Зеркальные» пары информативных высказываний (к типологии высказывания) // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С. 321–322.
10. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – М., 1989.
11. Щерба Л.В. Фонетика французского языка: Очерк французского произношения сравнительно с русским. – Л.-М., 1937.

I. Osetrov
THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF THE
RUSSIAN SINTAGMA

Abstract. In the article an attempt is made

to establish foundations for classification of syntagmas in the Russian speech.

Key words: speech unit, sintagma, classification principles.

УДК 801.1:78.08

Праведников С.П.

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются различные взгляды на природу фольклорного слова. По мнению автора, язык русского фольклора представляет собой функционально-стилевую разновидность диалекта, имеющую общие корни с диалектно-бытовой речью и отличающуюся от нее своей функцией и жанровым своеобразием.

Ключевые слова: лингвофольклористика; язык фольклора, диалект и наддиалект; фольклорная диалектология.

Диалектная основа устно-поэтического слова признавалась практически всеми собирателями и любителями народной поэзии. Неудивительно, что при опубликовании своих полевых записей почти все они прикладывали к материалам небольшие по объему словари местных или малопонятных слов, справедливо полагая, что без этого не только невозможно точное понимание текста, но и вероятна потеря общего колорита, свойственного каждому конкретному региону. «Язык этих произведений (устно-народных. – С. П.) воспринимает диалектические особенности местности, где поется то или иное произведение» [1, с. 150]. Эту точку зрения разделяет и большинство современных диалектологов, хотя они не скрывают многочисленные сложности, возникающие при попытке разграничить фольклорную лексику и диалектные формы. Совершая экскурс в историю русского языка, Ф.П. Филин писал: «Язык народной поэзии был теснейшим образом связан с племенными, позже областными феодальными диалектами...» [2, с. 92].

Проблема соотношения языка фольклора и диалекта вызвала к жизни большое количество общетеоретических и узкоспециальных вопросов. Многие исследования были посвящены зависимости фольклорного

мировоззрения от жанра, согласно законам которого осуществляется отбор языковых (в том числе и диалектных) средств. Предварительный итог рассуждениям на эту тему подвела С.Е. Никитина: «Экспансия диалекта в фольклорную речь осуществляется в различной степени на разных языковых уровнях и в разных фольклорных жанрах» [3, с. 423].

Не все ученые признавали необходимость привлечения данных устно-поэтического характера к практике составления областных словарей. «Произведения фольклора не принадлежат отдельным группам говоров, и потому значения слов, отраженные в них, могут совершенно отсутствовать в тех говорах, от носителей которых эти произведения записаны», – писали В.Г. Орлова и А.И. Сологуб еще в 1957 г. [4, с. 25]. Однако эта точка зрения не заняла доминирующего положения в науке. В инструкции для составления «Словаря русских народных говоров» О.Д. Кузнецова и Ф.П. Сороколетов, обосновывая включение произведений фольклора в число источников СРНГ, пишут: «Неучет народно-песенного языка как одного из источников сведений по диалектной лексике привел бы к исключению из состава Словаря важных звеньев лексико-семантической системы русских диалектов, к искажению картины территориального распределения большого числа лексем. Поскольку СРНГ ставит перед собой задачу обобщения всего богатства лексики и фразеологии диалектов русского языка, введение в его состав диалектной лексики из языка фольклора (в записях XIX–XX вв.) считается обязательным» [5, vii].

А.А. Плотникова, представляя этнолингвистический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник, утверждает, что еще в XIX в. взаимосвязь этих трех наук воспринималась в славянском мире как «исходная посылка для

* © Праведников С.П.